

ДМИТРИЙ КОРОВНИКОВ

АДМИРАЛ
ИМПЕРИИ **72**
ХРОНИКИ

Дмитрий Коровников Адмирал Империи - 72

<https://litres.ru/74399494>

SelfPub; 2026

Аннотация

Из дневника адмирала Василькова А.И. — командующего русского экспедиционного корпуса:

Запись 469: «Сегодня стёр с карты сектора три обитаемых мира. Население – 6 миллионов человек. Потери флота – приемлемые...»

Запись 2013: «Мятеж в 22-ой «гренадерской» подавлен. Казнено более 3000 офицеров и нижних чинов дивизии. Среди них – мои однокурсники...»

Запись 55298: «Война с Конфедерацией завершена. Наши потери – 60% личного состава. Победа. Мне присвоили еще одну Золотую звезду. Она пахнет кровью...»

Согласитесь, не очень похоже на мемуары героя. Больше на сухие строчки военных донесений, за которыми – выжженные планеты и погибшие флоты. Это правда о том, как делается история экспансии. Без патетики. Без оправданий. Без жалости.

Каждая запись – еще один шаг к трону... или к эшафоту.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	26
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Дмитрий Коровников

Адмирал Империи - 72

Глава 1

Проснулся я от того, что кто-то выключил боль.

Объяснить это ощущение человеку, который ни разу не засыпал с дырой в боку, непросто. Представьте, что всю ночь за стеной работал отбойный молоток, а под утро бригада ушла на перекур и не вернулась. Тишина оглушает сильнее грохота. Я лежал в ней с закрытыми глазами и восстанавливал по порядку: кто я, где я и почему потолок надо мной выгнут дугой и светится молочным светом.

Ответы приходили по частям. Капсула. Регенерирующая, судя по запаху: казённый дух антисептика и чего-то сладковатого, чем эти агрегаты подкармливают человеческие ткани. Крышка была прозрачной, за ней угадывался низкий сводчатый потолок с пучками коммуникаций. Подвал. Подвал резиденции, куда меня спустили вчера вечером после того, как... Слово «после» я договаривать не стал.

Бок отозвался, но уже вежливо, тоном кредитора, напоминающего о долге без намерения ссориться. Бедро было ещё любезнее. Я пошевелил пальцами правой руки: кисть работала. Для вечера, который я помнил обрывками, инвентари-

зация вышла на редкость благополучной.

Крышка с коротким шипением ушла в сторону.

Над капсулой стояли двое. Первую я узнал бы в любом состоянии, включая посмертное: Настасья Николаевна Зимина, контр-адмирал, самая дерзкая и самая привлекательная женщина имперского космофлота, причём оба титула она заслужила. Рядом, на полшага позади, суетился Айк Пападакис, небритый, с воспалёнными глазами; меня обнять он явно готовился, но при старшем по званию ограничился выражением лица.

— Живой, — констатировала Зимина. Прозвучало это как приём доклада.

— Не уверен, — сказал я. — Который час?

— Начало седьмого. Вы проспали без малого восемь часов, Александр Иванович. Капсула отчиталась: бок и бедро на девять десятых в порядке, остальное дотянется на ходу. — Она бросила взгляд на собственный браслет. — Главное. Меньше чем через час государь собирает военный совет. Вам полагается там присутствовать. Желательно в одежде.

— Вы ради этого спустились с орбиты? Проследить за моим туалетом?

— Я спустилась, как только разобралась с тем, что осталось нашей эскадры. — В голосе у неё не дрогнуло ничего, и именно по этому «ничего» я понял, чего ей стоило спуститься. — Да и вас нельзя оставлять без присмотра. Вы имеете привычку умирать в самый неподходящий момент, а потом

являться живым и объявлять, что так и было задумано.

— Обычно это и правда задумано.

Айк не выдержал первым. Он и не пытался выдержать: Пападакис относился к терпению как к диете, о которой приятно рассуждать за обедом.

— Александр Иванович. — Его щека легла мне на плечо и тут же поднялась, будто вспомнила про бок. — Я, честно скажу, поседел, когда узнал, что вы ранены!

— Что-то седины не заметно.

— Вот, — сказал он Зиминой. — Узнаю, господина контр-адмирала. Значит, будет жить.

— Капитан Пападакис прибыл со мной на правах старого друга, — сообщила Настасья Николаевна. — Так было заявлено при посадке в шаттл. Правами он намерен воспользоваться в полном объёме, так что готовьтесь.

Я сел. Датчики отклеивались от кожи с обиженным треском; мир качнулся, подумал и встал на место. Медицинский блок оказался длинной сводчатой комнатой на шесть капсул; все, кроме моей были пусты.

Мундир висел на спинке стула, вычищенный, со свежими нашивками: кто-то ночью позаботился, чтобы главнокомандующий не явился к императору в одежде, в которой его вчера волокли по паркету. Я подозревал, кто, но благодарить не собирался. Гинце благодарностей не заслуживает, он выставляет счета.

— Отвернётесь? — спросил я Зимину.

— Я боевой контр-адмирал, Александр Иванович. И ви-дела вещи пострашнее.

Она всё-таки отвернулась к стене и ждала там, заложив руки за спину, очень прямая: так стоят, когда болит нога и обсуждать это не с кем.

Айк подал мне брюки с торжественностью человека, дождавшегося своей минуты. Я знаю его достаточно, чтобы читать эту торжественность без словаря: сейчас будет жалоба.

— Раз уж мы тут все свои, — начал он, — я хотел бы поднять один вопрос. Кадровый.

— Начинается, — вздохнула Настасья Зимина, обращаясь к стене.

— Александр Иванович, вы вчера, если помните, назначи-ли меня исполняющим обязанности командующего силами орбитальной группировки. По открытому каналу, при свиде-телях. Я должность принял. А в течение последующих двух с небольшим час был её лишён. Без приказа и без бумаги. На мой мостик поднялась контр-адмирал Зимина и... укра-ла мою должность.

— Приняла командование, — поправила она, не оборачи-ваясь. — Кстати, с вашего же согласия. Вы помните, что при этом сказали?

— Дословно не воспроизведу...

— «Настасья Николаевна, ради всех святых, забирайте, я не знаю, что с этим делать». Старший помощник занесла в журнал, с отметкой времени. Лейтенант Завадовская в этом

смысле человек беспощадный.

Айк набрал воздуха и выпустил его без употребления. Против журнала на флоте не спорят. Он выбрал обходной манёвр.

— Это было по обстановке. Суровцев на подходе, форты вразнобой, буксиры чёрт знает где. Любой грамотный офицер передал бы командование старшему по званию. Я и передал. Но теперь-то мы победили! — Он расправил плечи, и медблок сделался теснее. — И я хочу заметить, что в этой победе есть и моя доля. Пусть как бывшего. Пусть недолго бывшего командующего. Но такого же, как вы двое. И когда будут писать наградные листы, кто что сделал, я прошу это учесть.

Зими́на засмеялась. Не вежливо, не колко, а по-настоящему, запрокинув голову; смех у неё был неожиданно низкий для такого роста, и после вчерашнего вечера я не думал, что услышу его так скоро. Айк переждал, глядя в потолок.

— Пападакис, — сказала она, отсмеявшись. — Вы капитан третьего ранга и командир крейсера. Хорошего крейсера, не спорю. На этом перечень ваших должностей и заслуг исчерпан.

— Очень обидны ваши слова, госпожа адмирал, — обиделся Айк.

— На всякий случай повторяю. Приказ Александра Ивановича был временный, и время его истекло, как только на орбите появился офицер в адмиральском звании. Хочешь

командовать дольше одной смены, получи двуглавого орла на погон. Или переживи всех адмиралов в системе. Вчера, кстати, ко второму вы были близки.

Айк посмотрел на меня. Взгляд его был долгий, выразительный и адресованный лично мне как старому другу, вышестоящему начальнику и единственному, кто мог её остановить. В переводе с греческого он означал: ну, скажи ей.

Я надел китель. На левый рукав ушло вдвое больше времени, чем на правый, и бок высказал мне по этому поводу всё, что думал. Айка я слышал прекрасно. В другое утро я бы ему даже посочувствовал: вчера он держал оборону в те минуты, когда её было некому держать, и заслужил за это больше, чем смех. Но сейчас мне было не до этого. Через сорок с небольшим минут мне предстояло докладывать императору о сражении, последнюю фазу которого главнокомандующий благополучно проспал, и спор о том, кто сколько минут командовал орбитальной группировкой, занимал в моём списке забот место между цветом обивки в кабинете императора и погодой на Сураже-4.

— Айк, — сказал я, застёгивая ворот. — Как там говорил твой дед про споры с женщинами?

— Дед говорил, что с женщиной не спорят, а ждут, когда она передумает, — мрачно ответил Айк. — Но дед не служил под началом контр-адмирала.

— Вот и весь мой ответ.

Он побурчал что-то под нос. Не словами, а тем особенным

гудением, которое у Пападакиса заменяет абзац возражений и которое его команда переживает, как короткий дождь. Потом подобрал со стула мой ремень, подал, и вопрос о его месте в истории был закрыт до ближайшего застолья. Обижаться Айк умеет недолго: как только обиду заметили, ему становится скучно.

Браслет на левом запястье пережил вчерашний день лучше хозяина: ни царапины. Я коснулся сенсора, и над ладонью раскрылась голограмма — аккуратный светящийся куб с толстой пачкой непрочитанных донесений. За восемь часов командующему написали все, кому полагалось, и многие из тех, кому нет. Никто из них не знал, что адресат лежит в подвале и видит сны.

Я сел на край капсулы и начал быстро пролистывать, читая самое главное. Айк стал за моим плечом, Зимина осталась у стены; ей читать было незачем, она всё это видела без посредников.

Сводки шли по времени. Резиденцию я пролистал: это я помнил и сам. Дальше кварталы вокруг неё: подразделения первого министра, отошедшие от дворца, пытались собраться в административном секторе, и собраться им не дали. Потом промзона, эстакады, космодром. К полуночи на поверхности Суража не оставалось ни одного организованного подразделения вторжения. Исполнитель во всех донесениях значился один и тот же, казённой формулой: «изделия ИКС серии «Алекс»».

Потери роботов с нашей стороны занимали в этих бумагах такое место, какое в нормальной сводке отводят расходу смазки. Я перечитал графу трижды, подозревая сбой голограммы. Сбоя не было. Была планета, которую мы вчера утром почти отдали врагу и которую вечером вычистили без нас — так горничная убирает номер, пока постоялец спит.

А затем шла страница, на которой я задержался дольше всего.

Дивизия Керема Рейса, спустившаяся в атмосферу над городом. Сотни малых гражданских транспортов, поднявшихся с поля столичного космодрома одной волной. Стыковка с бортами османских кораблей, зависших над крышами. Захват мостиков и машинных отделений в сроки, которые наставления отводят на проверку скафандров. Исполнитель прежний — Алексы. Потери в той же графе, и графа от этого заметнее не стала.

— Сколько у Гинце было машин? — спросил я, не поднимая головы.

— Никто не знает, — ответила, пожимая плечами Зимина. — Профессор на вопросы не отвечает, а считать их по головам бесполезно, они одинаковые. Много. Достаточно, чтобы за несколько часов сделать то, на что у меня не хватило бы недели и целой дивизии «морпехов».

В последних словах контр-адмирала было что-то, чего я не стал трогать при Айке.

— Транспорты, — сказал я вместо этого. — Сотни малых

судов, готовых к старту, с экипажами из машин на борту. Их не собрать за час. Даже и за день не собрать.

— Да, я их видела, — подтвердила Настасья Николаевна.

Она, наконец, повернулась, и лицо у неё было такое, с каким офицер обнаруживает ошибку в собственном расчёте спустя сутки после того, как расчёт приняли к исполнению.

— Когда меня под конвоем везли к шаттлу.

— Под конвоем?!

— После расскажу, — отмахнулась Настасья. — Так вот, поле космодрома было заставлено ими до горизонта. Катера, почтовики, паромы орбитальных линий, частные яхты, рядами, как на распродаже. Я решила: город бежит, кто на чём может, а диспетчеры держат их на земле, пока над головой стреляют. Мне тогда было не до них. — Она коротко дёрнула плечом. — А надо было посмотреть, кто сидит за штурвалами.

— Судя по сводкам, на большинстве из них никто и не сидел, — уточнил я, читая доклады. — А те, которые сидели, ждали, когда Рейс спустится на высоту, с которой до его бортов за минуту достанет и развозчик пиццы.

Голограмма висела между нами, и в ней всё сошлось с той противной лёгкостью, с какой сходятся только чужие планы. Орбита, которую османы прошли почти без задержки и потому поверили в себя. Резиденция с горсткой защитников и восьмилетним мальчиком внутри, на которую невозможно не клонуть. И космодром, заставленный судами задолго до

того, как первый османский корпус вошёл в атмосферу.

— Насколько я понимаю, первую фазу сражения мы не проиграли, Настасья Николаевна, — усмехнулся я. — Её проиграли за нас. Намеренно. Чтобы противник спустился туда, где его ждали.

Айк за моим плечом перестал дышать. Зимина выждала, чтобы ответ не прозвучал криком.

— Нет.

— Настасья...

— Нет, Александр Иванович. — Она шагнула ко мне, и рана на ноге напомнил ей о себе; но. она не обратила внимания. — У меня вчера горели корабли. Не отметки на карте, корабли с людьми, командиров которых я знала по именам. Они погибли, потому что я неверно выстроила оборону, и я готова отвечать за это перед кем угодно. Но я не стану верить, что их списали заранее. Что государь смотрел на них как на расходный материал. Не стану.

— Я не сказал «государь».

— Вы сказали «за нас». В этой резиденции такие вещи решают двое, и один из них не делает ничего без ведома другого. — Она перевела дыхание. — И вот ещё что. До последней минуты никто не знал, что с другой стороны к планете идут десантные корабли первого министра с штурмовыми частями. Ни вы, ни я, ни Гинце с его процентами. Нельзя заманивать в ловушку то, о чём не знаешь. Нельзя планировать чудо. Это была битва, Александр Иванович. Грязная, страш-

ная, напололам из случайностей. Мы её выиграли. Оставьте мне хотя бы это.

Она смотрела мне в глаза снизу вверх, и это был второй за утро человек, который смотрел на меня так и ждал от меня чего-то определённого. С первым я поспорить не смог. Со вторым не захотел.

— Вы правы, — кивнул я. — Десант Грауса никто не предвидел. Слишком много неизвестных для одного плана. Забудьте, что я сказал. Голова после капсулы не соображает.

— Бывает, — сказала она и взглянула на браслет. — Двадцать девять минут. Капитан Пападакис, помогите своего адмиралу с обувью, главнокомандующий всё равно нагнуться не сможет.

Айк опустился на одно колено; было видно, что когда-нибудь он расскажет об этом за столом как о подвиге. Зимина отошла к двери и встала там, спиной к нам, прямая, как приказ по флоту.

Я погасил голограмму. Сводки никуда не делись; они переехали туда, куда не добирается ни одна капсула. Сотни судов на поле космодрома, собранные заблаговременно. Ребёнок, который вчера приказал не оставлять пленных. И человек с тростью, всю жизнь считавший чужие жизни в процентах и называвший это расчётной ценой. Появление в самый последний момент сотен роботов-убийц.

Зимина была права в одном: доказать я не мог ничего. Ни бумаги, ни свидетеля, ни строки в сводках, которую нельзя

было бы прочесть иначе. Только чутьё, которому я доверяю больше документов и которое обманывало меня реже, чем люди.

Если бы однажды выяснилось, что так всё и было задумано, — что ж.

Удивляться я бы не стал...

Глава 2

— Двадцать шесть минут, — сказала Зимина от двери. — Доклад отрепетируете по дороге, Александр Иванович.

Ответить я не успел: меня опередила капсула. Она пискнула — коротко, потом длинно, потом с нарастающим торжеством техники, поймавшей человека на нарушении инструкции, — и объявила на весь медблок хорошо поставленным женским голосом:

— Пациент ноль-два. Финальная герметизация раневых поверхностей не завершена. Длительность процедуры — семь минут. Просьба освободиться от форменной одежды и занять место в капсуле.

— Я уже оделся, — сообщил я.

— Просьба освободиться от форменной одежды и занять место в капсуле, — повторила капсула. Спорить с ней было всё равно что спорить с уставом: формулировка не менялась, пункт повторялся.

— Она права, — поддержала Зимина с готовностью, которая мне сразу не понравилась. — Семь минут у нас есть. А вот главнокомандующего, теряющего сознание на середине доклада, совет не переживёт. Государь, допустим, переживёт, он за эти сутки видел и не такое. Я — нет. Снимайте китель, контр-адмирал. Пападакис, помогайте: вы эту фортификацию возводили, вам её и разбирать.

Айк помог, причём с удовольствием, которого не пытался скрывать: во-первых, у него появилось занятие, во-вторых, занятие состояло в том, чтобы командовать целым контр-адмиралом, пусть и в пределах одного рукава. Туфли, которыми он особенно гордился, отправились под стул первыми.

— Дед говорил: сказал врач лежать — лежи, — сообщил Айк назидательно. — Дед, правда, говорил это своему врачу, который велел ему бросить пить, но принцип универсальный.

Я снова лёг. Крышка сошлась, манипуляторы прошлись по боку и бедру чем-то тёплым, и на внутренней стороне колпака услужливо загорелся отсчёт: 6:59. Слышимость сквозь колпак была превосходная, о чём я пожалел на первой же минуте.

— Настасья Николаевна, — начал Айк тоном человека, выходящего на дальний заход. — А совет — это надолго?

— Как государь решит.

— Я к тому, что потом ведь понадобится транспорт наверх. Я мог бы заранее согласовать коридор, у меня со вчерашнего остались знакомства в диспетчерской... — Паузу он выдержал виртуозно. — Или мог бы подождать вас прямо там. У дверей. Чтобы не терять времени.

— У каких дверей?

— Ну, у этих. За которыми будет совет.

— И зачем?

— Чтобы быть под рукой, — сказал Айк с прямоотой, ко-

торая обезоруживает надёжнее любой хитрости. — Мало ли что понадобится. Справка. Уточнение. Свидетельство очевидца. Я, между прочим, единственный здесь, кто наблюдал сражение с орбиты от первого залпа до последнего, не отвлекаясь на ранения и капсулы.

Отсчёт показывал пять сорок. В Нахимовском нас учили распознавать манёвр охвата на предельных дистанциях, но охват в исполнении Пападакиса там не проходили: он заходил на цель так открыто, что учебники разводили руками.

— Капитан, — почти ласково сказала Зими́на. — На совет вас никто не звал.

— Это пока, — уточнил Айк.

— Что значит «пока»?

Пока они препирались, я лежал и прикидывал доклад, который я представляю. Тот складывался в голове подозрительно легко, и это настораживало: легко складываются только те доклады, в которых не произносят главного. Главное событие лежало отдельно — космодром, суда, цена первой фазы — и брать его с собой на совет я пока не решился. Некоторые мысли следует выгуливать на коротком поводке.

Капсула разомкнулась точно по счёту, пожелала мне скорейшего выздоровления и добавила, что рекомендован покой. Судя по интонации, она и сама в это не верила.

— Восемнадцать минут, — Зими́на взглянула на браслет. — Одеваться, Александр Иванович. Айк — в коридор.

— Почему сразу в коридор?

— Потому что контр-адмиралу нужно одеться, а медблок не рассчитан на зрительный зал.

— Позвольте. — Айк подобрался и приобрёл осанку, с которой его предки, надо думать, выступали в народных собраниях. — Разберём по пунктам. Первое: я его близкий друг, самый старый в этой системе. Второе: я его сегодня уже видел, причём в состоянии, после которого людей не стесняются. Третье, решающее: я мужчина. Из всех присутствующих логичнее выйти в коридор тому, кто не подпадает ни под один из пунктов. — И он сделал в сторону Зиминной жест, который сам, вероятно, считал деликатным.

— Под первые два я подпадаю, — сказала Зимина.

Айк открыл рот. Потом припомнил что-то — судя по лицу, что-то из вчерашнего, с отчётливой командой «кругом» в середине воспоминания и закрыл его обратно, не израсходовав ни слова. Я в эту секунду очень кстати оказался занят рубашкой.

— Остаётся третий пункт, — упрямо сказал он.

— Третий пункт я как-нибудь переживу. — Настасья Николаевна повернулась к стойке с мониторами и стала изучать чужие кардиограммы с вниманием, которого они не заслуживали.

Из капсулы я выбирался, держась за борт: бедро напомнило о себе на первом же шаге и дальше уже не замолкало. Одевался я под их перепалку, и парадным это одевание назвать было нельзя: бедро отвечало на каждое движение ко-

ротким уколом, так что брюки я брал приступом, в два этапа, с перерывом на дыхание. Хромать я решил начать после совета, официально. Настасья Николаевна комментировала процесс, не оборачиваясь, одним качеством своего молчания: затылком я слышал этот комментарий лучше, чем любые слова.

— Всё, — доложил я, заправляясь. — Можно поворачиваться.

— А теперь, капитан, — Зимина отошла от мониторов, и голос у неё сменился на приказной, — выйдите. Нам с главнокомандующим нужно обсудить сведения особой важности. У капитанов третьего ранга допуска к ним нет.

— Минуту назад был.

— Минуту назад вы подавали контр-адмиралу туфли. Задача выполнена, допуск аннулирован.

— Настасья Николаевна, это произвол.

— Это режим секретности. Их нестыдно путать, они похожи. — Она наклонила голову набок. — И потом, господин Пападакис. Не пора ли вам на ваш любимый крейсер? Он там наверху один. Экипаж скучает без командира.

— За экипаж не волнуйтесь. — Айк скрестил руки на груди. — На «2525» осталась лейтенант Завадовская. Это означает, что крейсер в порядке, вахты в порядке, журнал в порядке и эфир в порядке. Подозреваю, что в моё отсутствие — даже в большем, чем при мне. Поэтому никуда я не полечу. Я буду сопровождать своего раненого друга и собираюсь

находиться рядом с ним до самого конца.

— До конца чего? — поинтересовалась Зимина.

— Там будет видно, — ответил Айк. — Главное — рядом.

Переводчика не требовалось. «До самого конца» в исполнении Пападакиса означало: до дверей зала, где государь будет подводить итоги победы, а по возможности — на полшага дальше дверей. Вчера он пару часов был главным на орбите; сегодня ему хотелось стоять там, где об этом скажут вслух, и ставить Пападакису это в вину у меня не поднималась рука. Желание попасть в историю — не единственная, но главная его слабость.

— Иди, Айк, — сказал я. — Подожди нас у поста охраны. Если дальше не пустят — значит, не пустят, и спорить с Алексами я не советую.

— С Алексами не спорю даже я, — с достоинством ответил Айк.

В дверях он обернулся:

— Но у поста я встану так, чтобы меня было видно из зала. На всякий случай.

И вышел — с бурчанием, глухим и непрерывным, как работа вспомогательного двигателя. Слов в этом бурчании разобрать было нельзя, и делалось это, подозреваю, сознательно: за интонацию к ответственности не привлекают.

Переборка сошлась. В медблоке нас осталось трое: я, контр-адмирал Зимина и мой недозастёгнутый китель. Забегая вперёд, сообщаю: китель в дальнейших событиях уча-

ствия не принимал и ответственности не несёт.

Сведения особой важности я добросовестно начал готовить заранее: прикинул, с чего начать про космодром и стоит ли трогать при закрытых дверях расчёты Гинце. Но, тут же остановился. Причина, по которой Настасья Николаевна с такой настойчивостью выставляла Пападакиса, не имела ни грифа, ни отношения к стратегии, и понял я это в ту секунду, когда она повернулась.

Женщины поворачиваются по-разному. Этот поворот я уже видел — сутки назад, в другом медблоке, на «2525», возле точно такой же капсулы. Ту партию нам доиграть не дали: даже Настасья Николаевна признала появление врага уважительной причиной. Признала — но не простила. Недоигранных партий она не бросала никогда — ни в тактике, ни в остальном. Об этом её свойстве я знал, помнил и всё равно оказался не готов.

— Настасья Никола...

Договорить отчество мне не дали. Она пересекла медблок быстрее, чем позволяла раненая нога, взяла меня за отвороты — хватка у неё была абордажная, из тех, после которых корабль меняет флаг, и поцеловала так, что вопрос о повестке заседания закрылся целиком.

Первые секунды я честно пытался исполнять обязанности главнокомандующего: оценить обстановку, восстановить управление, вернуть ситуацию в уставное русло.

— Нас ждёт император, — сказал я, когда мне вернули

такую возможность.

— Через четырнадцать минут. — Отвороты она не отпустила. — Дорога вниз заняла у меня четыре. Обратно — под горку.

— Я не успею привести себя...

— Вас всю ночь приводила в порядок капсула. Хватит с вас.

— У вас же нога.

— У меня их две.

— У меня бок.

— Знаю. Вылеченный на девять десятых. Я слышала доклад.

— Сюда могут войти.

— Сюда уже входили все, кто хотел. Остальные на постах.

Я привёл последний довод — что адюльтер в подвале императорской резиденции за четверть часа до военного совета войдёт в мемуары всех участников эпохи, кроме нас двоих. Довод был выслушан губами. На нём аргументация иссякла у обеих сторон — с той разницей, что она этого добивалась, а я это допустил.

Дальше Настасья Николаевна перестала слушать. Приём старый, известный задолго до космоплавания: против собеседника, который не слушает, бессильна любая риторика, уточните у любого юриста. Она потянула меня за собой — шаг, ещё шаг, — и борт капсулы мягко упёрся мне под колено.

Мы оба буквально упали в капсулу. Констатирую как факт, без подробностей: подробности составляют ту самую тайну, к которой нет допуска не только у капитанов третьего ранга. Отмечу лишь, что ложе медицинской техники рассчитано на одного человека, погружаемого горизонтально и по доброй воле, а двое раненых, забирающиеся туда одновременно и в спешке, выглядят как учебный фильм «Эвакуация. Типичные ошибки». Охали мы много и разнообразно — больше от ран, чем от страсти: у неё на каждое неловкое движение отзывалась нога, у меня бок и бедро, и посторонний слушатель принял бы наш дуэт за что угодно, кроме нежности.

— Больно?

— Терпимо. Вам?

— Аналогично.

— Какие мы развалины, Александр Иванович.

— Ты о возрасте?

Она засмеялась мне куда-то в ключицу, коротко, и смех кончился сам.

Про время скажу следующее. Хронометры в такие минуты работают странно. Наука это отрицает, но наука никогда не лежала в регенерирующей капсуле с контр-адмиралом Зиomiной. Про четырнадцать минут мы забыли сразу, дальше счёт вело только моё и её дыхание, и вело его плохо.

Браслеты сработали одновременно. Оба. Находились эти запястья в тот момент значительно ближе друг к другу, чем

предусматривает устав. Над капсулой развернулись две одинаковые голограммы, и казённым шрифтом нам сообщили:

«Военный совет у его величества начнётся через пять минут. Секретариат совета напоминает о необходимости прибыть. Тайный советник Гинце».

Одно сообщение. Два адресата. Один пакет — служебную строку я успел заметить, прежде чем погасить голограмму. Гинце не рассылал напоминание по списку совета — он отправил его нам двоим сразу, как отправляют в одно место. Что именно тайный советник знал про этот подвал и откуда, я выяснять не собирался. Некоторые сведения не засекречивают только потому, что страшно оформлять допуск.

— Пять минут, — охнула контр-адмирала Зимина. Голос уже был служебный; дыхание переодеться не успело.

— Четыре. Минус лестница.

Из капсулы мы выскочили в темпе, которого эта техника от нас ещё не видела. Китель нашёлся на полу, ремень — под капсулой. Настасья Николаевна затягивала мундир, я сражался с воротом, и оба мы старательно не смотрели друг на друга: смотреть означало засмеяться, а смеяться означало потерять ещё минуту.

Никогда ещё два контр-адмирала не одевались так быстро...

Глава 3

Есть категория людей, которых бесполезно останавливать словом «нет», потому что слова «нет» они не слышат. Аик Пападакис семенил за нами по коридору резиденции, и его короткие ножки работали вдвое чаще наших: так рейдовый катер увязывается за двумя крейсерами в надежде, что по дороге его зачислят в ордер. Мы шли быстро — быстрее, чем позволяли раненая нога Зиминной и мой бок: подъём из подвала съел четыре минуты, которые нам никто не собирался возвращать, и опаздывать сильнее было уже некуда.

— Настасья Николаевна, я всё обдумал, — сообщил он в пространство между моим локтем и её погоном. — Военному совету нужен секретарь. Человек с почерком, выдержкой и боевым опытом. Я вёл судовой журнал под огнём противника — такая рекомендация стоит любого диплома.

— У государя есть секретариат, — отозвалась Зимина, не сбавляя шага.

— Тогда эксперт. Независимый наблюдатель, видевший сражение с орбиты от первого залпа. Так сказать, обладающий свежим взглядом...

— Капитан. — Она остановилась так внезапно, что Аик едва не въехал ей между лопаток. — Объясняю один раз и простыми словами. Вы не приглашены. Вы и не могли быть приглашены. Список участников утверждает государь; вас в

этом списке нет, не было и до начала совета не появится. Это не заговор против вас. Таков порядок.

— Я сегодня подавал контр-адмиралу туфли, — привёл Айк последний довод. — Это что-нибудь да значит.

— Это значит, что вас ждёт блестящая карьера в гардеробной службе.

Пападакис перевёл взгляд на меня — длинный, скорбный, с трагедией в третьем поколении. В переводе с греческого взгляд означал: ну хоть ты, старый друг, скажи ей.

— Айк. — Я постарался, чтобы вышло мягко; судя по его лицу, вышло как обычно. — Даже если я возьму тебя под локоть и объявлю личным экспертом, у дверей кабинета стоит пост. У постовых — список. Пройти мимо гвардии под честное слово ещё никому не удавалось: я командующий, а не фокусник. И командующий не вправе приводить на военный совет приятеля лишь потому, что с приятелем веселее. Мы не на светский раут собрались.

— Вот это и обидно, — горько сказал Айк. — На вечеринку вы бы меня взяли.

— На раут — первым номером.

По лестнице на третий этаж он поднимался молча, и это молчание настораживало сильнее любых доводов: молчащий Пападакис — это Пападакис, который готовит новую атаку. Атака захлебнулась у поста гвардейской охраны. Старший поста сверился со списком, поднял глаза на Айка и покачал головой — с той вежливой окончательностью, с какой захо-

пывается шлюз.

— Хорошо, я здесь подожду, — объявил Айк тоном человека, добровольно остающегося на тонущем корабле. Глаза у него подозрительно блеснули, и смотреть на это было тяжелее, чем выслушивать его доводы. — Идите, вершите историю, господа. Должен же кто-то постоять в стороне, пока её делают другие.

— Коридор на тебе, — сказал я. — Смотри, чтобы не унесли.

— Не смешно, Александр Иванович.

Смешно и не было. Было слегка совестно, и с этой совестью я договорился разобраться после совета — в порядке общей очереди, сразу за докладом, Гинце и прочими стихийными бедствиями. Я толкнул тяжёлую створку, пропустил Настасью Николаевну вперёд и вошёл следом.

Кабинет императора по-прежнему был рабочим, а не парадным: один тяжёлый стол посередине, а над столом, вполнеба, тактическая карта системы. Первое изображение, на котором не осталось ни одной чужой отметки; я бы повесил такую схему дома вместо картины. Голубой свет голограммы падал на лица, и собравшиеся походили на заговорщиков, склонившихся над картой сокровищ.

Собрались все, кому положено, и никого сверх. Генерал-губернатор Борисевич занимал у стола место, рассчитанное на двоих, и улыбался авансом — я ещё не вошёл, а он уже улыбался. Напротив, сложив ладони на набалдашнике

трости, стоял Гинце; стёкла его очков отливали тем же голограммным голубым. У дальней стены, по обе стороны кресла, застыли двое Алексов — неподвижные, как предметы обстановки, если бывают предметы обстановки, способные в одиночку вскрыть линкор. А в кресле, положив локти на столешницу, сидел мальчик с самой прямой спиной в этой комнате, полной строевых офицеров, — государь-император Иван Константинович. Победитель, самодержец и человек, которому этой ночью опять не дали выспаться.

— Господа адмиралы. — Гинце заговорил первым, сухо и размеренно. — Вы заставили государя ждать.

Пауза после этих слов была выверена, как дозировка: ровно такой длины, чтобы я успел вспомнить, кто именно рассылал нам напоминания о совете. И кому.

— Густав Адольфович. — Государь не повысил голоса; ему это не требуется. — Не начинайте. Мы победили; несколько минут опоздания ничего не значат.

Гинце наклонил голову и отступил на полшага — ровно настолько, насколько предписывал этикет, и ни на волос ниже.

— Александр Иванович. — Иван повернулся ко мне, и глаза у него были какие угодно, только не сонные. — Докладывайте.

Докладывал я по памяти, не трогая карту. В медблоке, между капсулой и подъёмом, я успел пройти сводки насквозь, до последней графы, и цифры знал так, как знают но-

мер собственной каюты. Когда докладываешь государю, под окнами которого вчера стреляли, лучше смотреть ему в глаза, а не в голограмму.

— Итог сражения за Сураж, государь. Противник потерял двадцать два корабля уничтоженными. По десантным: тринадцать больших десантных кораблей захвачены, пять уничтожены. Девять вымпелов османской эскадры взяты в качестве трофеев — во главе с линкором «Барбаросса Хайреддин». Силы первого министра — порядка шестидесяти боевых вымпелов — ушли в подпространство; судя по вектору разгона — в «Новую Москву».

— Домой, стало быть, — прогудел Борисевич. — Пришёл хозяином, ушёл погорельцем. Есть у меня на этот случай анекдот про интенданта и пожарную команду. Длинный правда.

— Генрих Христофорович, — попросила Зимина.

— Потом расскажу, — покладисто согласился генерал-губернатор. — Анекдот от ожидания только настаивается.

— Наши потери. — Эту часть я произносил медленнее; она всегда весит больше. — Десять боевых кораблей и двенадцать десантных бортов уничтожены. Повреждения разной степени получили ещё четырнадцать кораблей и сорок четыре форта. В строю на текущий час, с учётом трофейных османских бортов, двадцать три вымпела — часть требует незначительного ремонта — и пятьсот пятьдесят шесть фортов. По десантным кораблям арифметика вышла неви-

данная: с трофеями их у нас ровно столько же, сколько было до сражения. Потери в штурмовых подразделениях... — Я помедлил. — Шесть тысяч пятьсот семьдесят восемь человек. И около двух тысяч гражданских. Противник оставил на Сураже свыше тринадцати тысяч космопехоты и янычар.

Цифры повисели над столом вместе с голограммой и не разошлись. Гражданские в сводках идут отдельной строкой; в памяти они почему-то идут первой. Иван на секунду прикрыл глаза. Когда он их открыл, это снова были глаза главнокомандующего.

— И главное, государь. — Здесь мне пришлось сделать над собой усилие; надеюсь, снаружи оно было незаметно. — Основной вклад в победу на последнем этапе внесли не корабли и не штурмовые роты. Роботы серии «Алекс» зачистили планету от корпуса вторжения с потерями, которые в сводке выглядят опечаткой, и они же уничтожили экипажи кораблей Керема Рейса — раньше, чем те успели начать космическую бомбардировку столицы. Признаю это без всякого удовольствия. Но командующий, не признающий очевидно-го, называется как-то иначе.

— «Покойный» он называется, — вставил Борисевич, и на этот раз засмеялся даже Гинце.

Настроение в кабинете стояло то самое, которое знает всякий, кто хоть раз слышал отбой тревоги после долгого боя: усталость ещё не пришла, страх уже ушёл, и в освободившемся месте гуляет сквозняк счастья. Мы с контр-адмира-

лом Зиминной переглянулись и обнаружили, что улыбаемся, оба на обезболивающих, оба неприлично живые и счастливые. Борисевич заряжал следующий анекдот. Гинце сиял, и было отчего: это его серые машины записали себе в актив целую планету. Таким довольным тайного советника я не видел ни разу; зрелище выходило редким и по-своему тревожным, как солнце среди полярной ночи.

Про эти машины я и собирался спросить. Радость радостью, а вопрос сидел во мне со вчерашнего вечера, как заноза под ногтем.

— Государь, разрешите нескромный вопрос.

— Нескромные вопросы — ваша специальность, Александр Иванович. — Иван чуть наклонил голову. — Разрешаю.

— Алексы вышли из подземных ярусов резиденции. Из тех помещений, куда не допускали никого: ни меня, ни генерал-губернатора. Несколько дней назад хозяином Суража-4 был вице-адмирал Суровцев — недолго, но был. Вы с эскадрами были вынуждены оставить и планету, и систему. — Я говорил неторопливо, выкладывая звенья цепочки на стол, одно за другим. — Выходит, всю оккупацию армия машин пролежала под этой самой резиденцией. Готовая. И не была приведена в действие. Соответственно и вчера весь спектакль с нашим поражением в первой фазе разыгрывался ради одного: заманить противника на планету. Я правильно понимаю картину?

— Практически, — ответил император.

Он даже не стал смягчать. Кивнул — спокойно, утвердительно, глядя мне в глаза, и в свои восемь лет выдержал этот взгляд легче, чем иные выдерживают в сорок.

— Тогда я хотел бы услышать детали. Почему армия, способная снять осаду, всю оккупацию пролежала под землёй?

Иван перевёл глаза на Гинце. Гинце посмотрел на меня — как человек, у которого требуют ключи от сейфа на том основании, что в здании сменился комендант.

— Вводить изделия в дело в первый период было нецелесообразно, — проговорил он наконец, нехотя, с вернувшейся преподавательской интонацией. — По совокупности причин. Назову одну: их было недостаточно. На тот момент.

— На тот момент, — повторил я.

Между «тем моментом» и сегодняшним утром лежала неделя с небольшим. Если за неделю «недостаточно» превратилось в силу, зачистившую планету и эскадру, значит, конвейер под нашими ногами работал всё это время на полную мощность — и работает сейчас. Мне показалось, что сквозь паркет я слышу его ровный гул. Скорее всего, показалось.

Гинце тем временем перенёс вес на трость и придал лицу выражение исчерпанной темы. Продолжения не последовало.

— Густав Адольфович, — сказал я. — Я командующий обороной этой системы. Мне следует знать обо всём, что в

ней способно стрелять. В том числе о том, что находится под резиденцией их величества.

— Следует. — Он неспешно снял очки, посмотрел стёкла на просвет и водрузил обратно. — Тогда и я напомним. Должность командующего вы получили временно и в критической ситуации — в ту самую минуту, когда на орбите внезапно объявился Птолемей Граус со своими штурмовиками. А минутой раньше вы стояли на ковре, где разбирались ваши собственные ошибки в качестве всё того же командующего на орбите. Вы были практически под следствием, Александр Иванович. Согласитесь, есть известная смелость в том, чтобы с этой позиции требовать допуска ко всем тайнам Империи.

Настасья Зимина рядом со мной подобралась, как перед залпом.

— Густав Адольфович, — начала она тем голосом, которым командуют «огонь», — а не напомнить ли вам, кто вчера...

— Довольно.

Иван не ударил ладонью по столу и не повысил голоса. Он произнёс одно слово, и слово легло между нами, как опущенный шлагбаум.

— Никакого следствия не будет, — продолжил он. — Ни сегодня, ни после. Александр Иванович доказал преданность и профессионализм так, как их вообще можно доказать, — делом. — Он обвёл нас взглядом и неожиданно

улыбнулся — открыто, во все свои восемь лет. — Господа, вчера мы выиграли сражение. Предлагаю насладиться этим хотя бы четверть часа.

Гинце поклонился вторично. Удовольствия в этом поклоне было заметно меньше, чем протокола.

— Алекс-один, — попросил император. — Открой двери.

Робот у стены ожил, пересёк кабинет и развёл в стороны высокие балконные створки. В кабинет вошёл утренний воздух — с гарью, с бетонной пылью, с запахом города, который тушили всю ночь. Иван поднялся из кресла.

— Прошу за мной, господа. Хочу вам кое-что показать.

Вид с балкона резиденции стоил того, чтобы снять фуражку. Вчерашний штурм оставил от ближних кварталов обглоданные остовы: просевшие фасады, перекрученные эстакады, дом с обрушенной лицевой стеной, где на уцелевшем этаже сиротливо стояла чья-то кровать. Над дальними крышами ещё поднимались дымы. Город заплатил за вчерашний день по полному счёту, и смотреть на это полагалось молча.

Но смотрели мы вовсе не на руины.

Перед балконом, заполнив разбитую площадь, стояли роботы. Сотни. А может, тысячи: я начал считать шеренги. Одинаковые корпуса, плечо к плечу, единой коробкой, с геометрией, какой не выдержит ни один человеческий парад. Ни шевеления, ни звука. Я попробовал испытать облегчение — по всем меркам оно мне полагалось и вместо облегчения поймал себя на том, что ищу в шеренгах хоть одно

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.